

STUDIA HISTORICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

С. А. Иванов

БЛАЖЕННЫЕ ПОХАБЫ

Культурная история юродства

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Москва

2005

Иванов С. А.

И 20 Блаженные похабы: Культурная история юродства / Рос. академия наук. Ин-т славяноведения. — М.: Языки славянских культур, 2005. — 448 с. — (Studia historica). — Цв. вклейка после с. 256.

ISSN 1727-9968

ISBN 5-9551-0105-5

Едва ли не самый знаменитый русский храм, что стоит на Красной площади в Москве, мало кому известен под своим официальным именем — Покрова на Рву. Зато весь мир знает другое его название — собор Василия Блаженного.

А чем, собственно, прославился этот святой? Как гласит его житие, он разгуливал голый, буянил на рынках, задирал прохожих, кидается камнями в дома набожных людей, насылал смерть, а однажды расколол камнем чудотворную икону. Разве подобное поведение типично для святых? Конечно, если они — юродивые. Недаром тех же людей на Руси называли еще «похабами».

Самый факт, что при разговоре о древнем и весьма специфическом виде православной святости русские могут без кавычек и дополнительных пояснений употреблять слово своего современного языка, чрезвычайно показателен. Явление это укорененное, важное, — но не осмысленное культурологически.

О юродстве много писали в благочестивом ключе, но до сих пор в мировой гуманитарной науке не существовало монографических исследований, где «похабство» рассматривалось бы как феномен культурной антропологии. Данная книга — первая.

ББК 63.3(0)4

В оформлении обложки использован фрагмент иконы «Василий Блаженный» (XVI в., Москва, ГТГ), на форзаце — фрагмент гравюры Корнелиса де Бруна «Архангельский юродивый» (1708 г.).

Иванов Сергей Аркадьевич

БЛАЖЕННЫЕ ПОХАБЫ

Культурная история юродства

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки С. Жигалкина

Подписано в печать 15.09.2005. Формат 60X90 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 28 Тираж 2000. Заказ № 574.

Издательство «Языки славянских культур» № госрегистрации 1037789030641.

Phone: 207-86-93 Fax: 246-20-20 (для аб. М153) E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

ISBN 5-9551-0105-5

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

© С. А. Иванов, 2005

© Языки славянских культур, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Глава 1. Предтечи и питательная среда юродства	23
Глава 2. Монастырские симулянты.....	55
Глава 3. Блудники и попрошайки	71
Глава 4. Святой дебош	103
Глава 5. «Второе издание» юродства	135
Глава 6. «Новые богословы»	167
Глава 7. Закат юродства.....	187
Глава 8. Древнерусское «похабство»	231
Глава 9. «Похаб» и царь	265
Глава 10. «Похабство» накануне Нового времени	289
Глава 11. Искоренение и неискоренимость юродства .	317
Глава 12. Восточная периферия юродства	331
Глава 13. Западная периферия юродства.....	345
Заключение	369
Библиография.....	385
Список сокращений.....	431
Указатель имен.....	433

Полтора года назад британское издательство Oxford University Press предложило перевести и издать мою книгу «Византийское юродство», опубликованную в Москве в 1994 г. Поначалу мне казалось, что от меня потребуются усилия лишь библиографического свойства: за минувшее десятилетие в разных странах появилось не менее пяти ученых монографий, десятки статей и множество новых изданий и переизданий источников, так или иначе затрагивающих феномен юродства. Конечно, все это нужно было учесть, однако такого рода работа не представлялась чем-то особо сложным: ведь после выхода монографии не перестаешь интересоваться предметом, наоборот, постоянно прикидываешь, чем бы еще можно было украсить книгу. Так что следить за литературой я никогда не переставал.

Разумеется, при подготовке к новому изданию следовало также принять во внимание и те читательские отзывы, которые мне удалось получить со времени публикации «Византийского юродства». В частности, на монографию вышло двенадцать рецензий в семи странах, и многие из них содержали глубокие и ценные мысли. Наконец, мне казалось, что неизбежные трудности возникнут при попытке передать на иностранном языке те понятия, которые глубоко укоренены в родной почве и не имеют однозначных аналогов в других культурах.

Но когда я, десять лет спустя после выхода книги, уселся перечитывать ее подряд, скоро стало ясно, что все вышепоименованные проблемы ничто по сравнению с главной: мне не нравилось мое собственное сочинение. Что-то казалось неуместно пафосным, что-то некритически переписанным у других. Почти все нуждалось в нюансировании, а кое-что и в полном пересмотре.

И я начал переписывать книгу. Одни переделки влекли за собой другие, я тянул с передачей рукописи в Оксфорд и мучал своего переводчика постоянными просьбами перевести заново то один, то другой пассаж. В результате получилась совершенно новая книга, и мне показалось уместным издать ее не только по-английски, но и по-русски: она вдвое больше предыдущей и сильно отличается от нее методологически.

Дело не только в том, что общее количество юродивых, найденных мною в средневековых источниках, выросло по сравнению с «Византийским юродством» чуть не вполонину: важнее, что я задался вопросами, которые десять лет назад почему-то не приходили в голову: кто из тех, кого именуют юродивыми, суть мифологические персонажи, кто — живые люди, подделывающиеся (одни искренне, другие корыстно) под этих персонажей, кто — безумцы, чья болезнь угодила под благочестивую интерпретацию, и, наконец, кто те авторы, от которых мы все это узнаем, чего они хотят и на какую читательскую реакцию рассчитывают.

Культурная ситуация юродства на поверку вышла гораздо сложнее, чем мне когда-то представлялось: мало того, что даже по самим христианским правилам игры юродивый постоянно должен что-то изображать — те, кто изображает юродивых, практикуют лицедейство в квадрате, а те, кто нам все это изображает художественными средствами, в кубе! Эта зеркальная анфилада изображений уходит в бесконечность, и мне теперь весьма странно, что раньше я довольствовался термином «юродивый», словно понятной и все разъясняющей музейной биркой.

Отдельно надо сказать, что в новом варианте совершенно изменена древнерусская часть монографии; она настолько расширилась, что теперь уже невозможно игнорировать ее в заголовке. По этой и всем другим поименованным причинам книга называется «Блаженные похабы (культурная история юродства)» без конкретной географической привязки.

Последнее принципиальное обновление библиографии стало возможно благодаря моей двухмесячной командировке в Мюнхен (2003—2004 гг.) по стипендии Alexander von Humboldt-Stiftung. Концептуальное же обновление книги было бы затруднительным, если бы коллеги не делились со мною своей эрудицией. В первую очередь я благодарен В. М. Живову, А. В. Мошковой, О. С. Поповой, Э. С. Смирновой, Б. Н. Флоре и С. Франклину, но особенно признателен А. А. Турилову, без чьих энциклопедических познаний и бескорыстной готовности помочь русская часть монографии вряд ли могла бы состояться.

Публикация книги стала возможна благодаря издательскому гранту РФФИ.

С. А. Иванов
Москва, 28 июня 2005 г.

Мы — святые,
а они — корректные...
Скажите, пожалуйста,
неужели же Бог придет
к корректному человеку?

Венедикт Ерофеев

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня слова «похабный» и «блаженный» означают весьма различные вещи. Между тем в древнерусском языке они описывали одно и то же явление, для которого ныне осталось единственное слово: «юродство». Если вдуматься, не так уж и странно.

В настоящей работе юродивым будет именоваться человек, который публично симулирует сумасшествие, прикидывается дураком или шокирует окружающих нарочитой разнузданностью. Но это определение необходимо еще сузить: разного рода экстравагантность может быть названа юродством лишь в том случае, если ее свидетели усматривают за ней не просто душевное здоровье или сугубую нравственность, а еще и некую особую мотивацию, отсылку к иной реальности. В контексте православной культуры эта реальность — божественная; в контексте светской культуры Нового времени — психологическая. В обоих случаях задача юродства — показать, что вроде бы очевидное в действительности обманчиво; при этом «религиозный» юродивый намекает на неисповедимость высшего суда, а «светский» — на собственные невидимые миру достоинства. В нашем языке второй смысл юродства закономерно развился из первого. Сам тот факт, что при разговоре об этом древнем и странном феномене русские (и только они одни) могут без кавычек и дополнительных пояснений употреблять слово своего современного языка, чрезвычайно показательны: он демонстрирует важность и укорененность данного явления в нашей культуре.

Однако при попытке дать ему строгое определение это же обстоятельство и мешает. Слово слишком употребительно и многозначно¹. Например, у Достоевско-

---

¹ Достаточно сказать, что отыменные образования с этим корнем встречаются в русском Интернете более 31 400 раз, а

го² в «Братьях Карамазовых» юродивыми в разных контекстах именуется восемь персонажей, и половина из них, в нашей терминологии, таковыми не являются: Лизавета Смердящая — безвредная сумасшедшая, она ничего не симулирует, так что здесь мы имеем дело с дополнительным смысловым расширением; когда к юродивым причисляют старца Зосиму, Алешу или Ивана Карамазовых, это слово используется как бранный эпитет и тоже «нетерминологично». Из оставшихся четырех персонажей первые двое — «религиозные» юродивые, а вторые — «светские»: монахи Варсонофий и Ферапонт юродствуют сознательно, ориентируясь на старинные житийные образцы; Федор Павлович Карамазов — юродствующий шут; штабс-капитан Снегирев фиглярствует от униженности. Мирское значение возникло у слова лишь в XIX в., но оно весьма употребительно и сегодня.

Что же за психологический тип описывается как «юродивый»? Такой человек понимает, что со стороны он выглядит жалким, и упреждает чужое презрение утрированным самоуничижением, зарабатывая таким способом некоторые преимущества в собственных глазах (смысл компенсаторной реакции примерно таков: люди просто не в состоянии понять, каков я на самом деле, чего с ними связываться); на следующем витке этого психологического излома человек уже сам дает понять окружающим, что разыгрываемое пред ними самоуничижение неискренно и лишь призвано замаскировать его бесконечное над ними превосходство; на третьем же витке все тот же человек, догадывающийся, быть может, что производимое им впечатление на самом деле не со-

---

отглагольные — более 53 600 раз. Для сравнения: сочетание «holy fool» встречается во Всеминой паутине всего шесть с половиной тысяч раз.

² Юродство у Достоевского обсуждается во множестве исследований: *Onasch K. Der Hagiographische Typus des «Jurodivy» im Werk Dostoevskijs // Dostoevsky Studies. V. I. 1980, p. 111—122; Murav H. Holy Foolishness: Dostoyevsky's Novels and the Poetics of Cultural Critique. Oxford, 1992; Иванов В. В. Безобразие красоты: Достоевский и русское юродство. Петрозаводск, 1993 и т. д.*

всем бесосновательно, хочет путем скандала сорвать самое процедуру вынесения суждений. Такой человек фиглярствует не для веселья, а от ущемленности, оскорбляет под личиной наставления, прячет за театральным благодушием ежесекундную готовность к скандалу, публично кается в грехах, но не готов выслушать в них же упрек со стороны и т. д. Недаром русский язык родил поговорку: «Уничуждение — паче гордости». Видимо, первоначально это была банальная христианская мудрость о смирении, которое лучше гордыни (ср.: Притчи 29:23; 1 Петра 5:5), но со временем поговорка подверглась стихийной реинтерпретации: самоуничижение *и есть* высшая форма гордости.

Впрочем, ниже о «психологическом юродствовании» если и будет кое-что сказано, то очень мало (ср. с. 181, 228, 266, 380—381). Ведь оно становится заметно лишь по мере истаивания в культуре религиозных мотиваций, то есть в Новое время; нашей же задачей является исследование средневекового юродства, которое, даже если подчас и приводилось в действие индивидуальными психологическими пружинами, все равно заявляло о себе как о чем-то религиозном. Голос самого юродивого в Средние века почти не звучит (ср., впрочем, с. 376—379), поскольку он неизменно выступает в качестве объекта описания.

Итак, ниже речь пойдет главным образом про христианское юродство. Необходимо оговориться, что «юродивый» — это сокращение более точного «юродивый Христа ради». Поскольку значения вроде «урод», «врожденный калека» у слова «юродивый» давно исчезли, да и простого «сумасшедшего» больше не называют «юродивым», усечение концептуально важного сочетания «Христа ради» вполне понятно. Теперь в православном дискурсе «юродивый» и значит только одно — «юродивый Христа ради»³. Православная точка зрения

---

³ Для православных существует понятие «лже-юродивых», но под этим словом тоже подразумеваются не «взаправду сумасшедшие», а «симулирующие без достаточных оснований юродство Христа ради». В редчайших случаях усечению под-

состоит в том, что такой человек добровольно принимает на себя личину сумасшествия, дабы скрыть от мира собственное совершенство и таким способом избежать суетной мирской славы. Вторым побудительным мотивом юродства церковь считает духовное наставление в шутовой и парадоксальной форме. Однако творимые юродивым непотребства могут иметь воспитующее значение лишь при его отказе от инкогнито (иначе чем бы он отличался от непритворных «похабников?»), что противоречит первой и главной цели подвига юродства. А если юродивый не собирается никого воспитывать, то уберечься от славы гораздо легче в пустыне. Юродивый же, как на грех (и в переносном, и в прямом смысле), стремится быть в гуще людей, поклонения которых якобы так опасается. Значит, уже в самом изначальном определении кроется парадокс, делающий весьма проблематичным реальное функционирование юродивого, каким его представляют себе православные. Христианский взгляд на мир парадоксов не боится, однако наше исследование носит сугубо светский характер, и потому мы⁴ не можем удовлетвориться подобным объяснением.

Святость, становясь объектом историко-культурного рассмотрения, неизбежно перестает быть тем, чем она является для верующего; из априорной данности юродство превращается в сложную референцию, которая может в зависимости от культурных и политических обстоятельств наделяться бытийственностью или лишать-

---

вергается само слово «юродивый», вместо которого остается одно сочетание «Христа ради», см., например: «муж Христа ради» применительно к Прокопию Устюжскому (*Власов А. Н. Устюжская литература XVI—XVII вв. Сыктывкар, 1991, с. 22*).

⁴ В отличие от некоторых других светских исследователей, например: *Stange-Zhirova N. La folie-en-Christ comme phénomène culturel // Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire orientales et slaves. V. 24. 1980, p. 83—84; Behr-Sigel E. La folie en Christ dans la Russie Ancienne // Mille ans de Christianisme russe. 988—1988. Actes du Colloque International de l'Université Paris-X. Paris, 1989, p. 141—142 etc.*

ся ее⁵. Для православного вопрос стоит таким образом: как извлечь из памятников культуры свидетельства о реально существовавших юродивых? Мы же ставим в каком-то смысле противоположный вопрос: что побуждает культуру творить образ юродивого и как этот конструкт характеризует самое культуру?

В настоящей работе будут проанализированы по возможности все свидетельства о православном юродстве. В начальных главах, посвященных Византии, рассматриваются тексты главным образом на греческом языке. Что касается источников на иных языках, то в оригинале анализировались лишь латинские (и производные от латыни) и славянские тексты. Пространство восточно-христианской культуры весьма обширно и отнюдь не ограничивалось грекоязычным ареалом, но, увы, знакомство автора с текстами, написанными на сирийском, коптском, амхарском и других восточных языках было ограничено имеющимися переводами на европейские языки.

Что касается глав о древнерусском изводе интересующего нас культурного феномена (для отличения от византийского мы будем именовать его «похабством»), то в подробностях юродство прослеживается там лишь до конца XVII в. Рассказ о дальнейшей, по преимуществу «светской» эволюции данного института носит иллюстративный, отчасти даже импрессионистический характер.

---

⁵ Наш культурологический подход к юродству вызвал нарекания у некоторых коллег. А. В. Бармин утверждает, что нельзя отмежевываться от проблемы святости юродивого, поскольку «для византийского общества... такой вопрос имел значение» (*Бармин А. В. Рец. на кн.: Иванов С. А. Византийское юродство // ВВ. Т. 57 (82). 2001, с. 292*). Но ведь именно такая наша задача: отрешиться от того дискурса, который навязывает исследователю изучаемая им культура. «Объяснить общественную оценку юродивых, отвлекаясь от того, что же на самом деле двигало ими самими, выглядит занятием безнадёжным» — считает А. В. Бармин, простодушно возводя само существование «их самих» в ранг аксиомы.

Ко всякому явлению культуры можно подходить с разных сторон, и надо сразу оговорить, какие подходы мы для себя закрываем. Например, юродство допустимо исследовать в рамках истории психиатрии — то есть посмотреть, под какие виды душевных расстройств, известных современной медицине, попадают средневековые описания юродства. Но это была бы совсем другая работа. Типологически юродивого правомерно сравнить с финским шаманом⁶ или с героем древнеирландских легенд — гейлтом⁷. Некоторые исследователи усматривают связь юродства с карнавалом⁸, другие — с интригами церкви против народных масс⁹, или же, напротив, с социальным протестом¹⁰. Было бы плодотворно исследовать феномен

⁶ *Thompson E.* Russian Holy Fools and Shamanism // American Contribution to the VIII International Congress of Slavists. Columbus, 1978, p. 691—706; *Eadem.* Understanding Russia. The Holy Fool in Russian Culture. Lanham, 1987.

⁷ *Saward J.* Perfect Fools. Oxford, 1980, p. 31—41.

⁸ *Панченко А. М.* Древнерусское юродство // *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984 (далее: *Панченко. Смех*), с. 72—149. Ю. Лотман и Б. Успенский возражали против него: «В ситуации карнавала смех — в равной мере удел всех участников» (*Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3, с. 164), а юродивый и его аудитория находятся в разном положении. Юродство противоположно карнавалу, ибо оно отторгает смех от общества, отводит его от сакральных объектов. «Юродивый присваивает себе способность коллектива к смеху над неколебимыми культурными ценностями, изолирует эту способность в качестве явного отклонения от социальной нормы» (*Смирнов И. П.* Древнерусский смех и логика комического // ТОДРА. Т. 32. 1977, с. 312). Сомнения в «карнавальном» характере юродства выражал и Х. Бирнбаум: *Birnbaum H.* The World of Laughter, Play and Carnival: Facets of the Sub- and Counterculture in Old Rus // *Idem.* Aspects of the Slavic Middle Ages and Slavic Renaissance Culture. New York, 1991, p. 493.

⁹ *Будовниц И. У.* Юродивые Древней Руси // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 12. 1964.

¹⁰ *Скигарева Э. А.* Антиклерикальные и антирелигиозные мотивы в русской народной сказке // Атеистические тради-

юродивости в контексте мифологии жертвы и самопожертвования либо с точки зрения восприятия различными культурами изгоев.

Типологически ближе всего к юродивому стоят, пожалуй, священные клоуны. Клоун — фигура известная во многих традиционных культурах: на Самоа, у масаев в Африке, в Индии, но особенно у американских индейцев (на северо-западе США он же наделяется чертами ритуального безумца). Слова, написанные одним исследователем о клоуне, вполне могут быть приложены к юродивому: «he is priveleged to ridicule, burlesque and defile the most sacred and important ceremonies... licensed to behave as no ordinary mortals would dream of behaving»¹¹. Некоторые ужимки индейских клоунов будто подсмотрены у юродивых: например, у племени Мою-Yaqui клоуны безобразничают и кощунничают во время Великого поста¹²; почти все клоуны валяются в грязи, едят экскременты, пьют мочу и т. д.; у племени Zuni описаны особые «печальные шуты» Kiyemshis — они ведут себя странно, разговаривают особым «пророческим» языком, а все племя должно издеваться над ними, однако в последний день праздника Shalako они вдруг из жалких отщепенцев превращаются во всемогущих жрецов, умеющих вызывать дождь. Вообще, клоун вызывает амбивалентные чувства¹³ — как и юродивый.

ции русского народа. Л., 1982, с. 107. Впрочем, в другой работе тот же автор склоняется к идее, что все-таки дело не в протесте, а в клерикальных интригах: *Снигирева Э. А. Юродство и православная церковь // Социально-психологические аспекты критики религиозной морали. Вып. 3. Л., 1977, с. 74—91.*

¹¹ *Steward J. H. The Clown in Native North America. New York; London, 1991, p. 72.*

¹² *Parsons E. C., Beals R. L. Clowns of the Pueblo and Mayo-Yaqui Indians // American Anthropologist. New Series. V. 36. № 4. 1934, p. 497.*

¹³ *Levi Makarius L. Le sacré et la violation des interdits. Paris, 1974, p. 269—276.*

Что же касается шута, с которым чаще всего и сопоставляют юродивого, то как раз их сходство весьма поверхностно: да, оба живут в вывернутом, ненастоящем мире, и оба не могут состояться без зрителей. Но при этом шут — часть толпы, а юродивый даже в городской сутолоке совершенно один; шут весь в диалоге, а юродивый принципиально монологичен; шут погружен в праздничное время, а юродивый — вне времени; шутство сродни искусству, а юродство искусству чуждо. «Смех юродивого — это смех-отражение. Юродивый становится зеркалом для посмеявшихся над убожеством и бессилием, и как это зеркало сам смеется над убожеством и бессилием. Смех юродивого — смех ужаснувшегося своим отражением в зеркале мира»¹⁴.

Наша цель — исследовать скорее генетические, а не типологические связи византийского юродства. Разумеется, проследить генеалогию того или иного феномена можно на разную глубину. Так, юродскую провокацию вполне допустимо уподобить повелению Бога Аврааму принести в жертву родного сына или разрешению Сатане мучить праведного Иова. Можно пойти еще дальше и утверждать, что элемент провокации содержится уже в самом акте Творения, попустившем существование в мире зла. Симуляцию же юродивым безумия можно сравнить с кеносисом Иисуса Христа, который, как сказано в Новом Завете, «уничжил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам...» (Фил. 2:7). О том, что здесь скрывается элемент провокации, свидетельствует смысловое развитие слова *скандал*: в Новом завете это определение прилагается к самому Иисусу¹⁵. Однако в данной работе столь глубокие корни юродства не затрагиваются.

¹⁴ Горобинская Е. А., Немченко Л. М. Симуляция юродства // Русская литература XX века. Вып. 3. Екатеринбург, 1996, с. 187.

¹⁵ См. обширную литературу об этом термине: Lindblom J. Skandala. Uppsala, 1921; Ståhlén G. Skandalon. Untersuchungen zur